

КИР БУЛЫЧЕВ

**ЧУМА НА
ВЫШЕ ПОЛЕ!**

Веревкин

Кир Булычев

Чума на ваше поле!

«ЭКСМО»

1999

Булычев К.

Чума на ваше поле! / К. Булычев — «Эксмо»,
1999 — (Веревкин)

«Махонький муравей волочит сосновую иголку, для него эта ноша солиднее, чем бревно для участников субботника. Неизмеримы возможности и достижения. За подвигом должно стоять страстное желание его совершить. В 1998 году чемпионом мира по футболу стала сборная Франции, которая разгромила в финале великих и непобедимых бразильцев. За спинами французов маячили Фермопилы. Поэтому поражение, столь очевидное для всего трезвого мира, оказалось немислимым...»

© Булычев К., 1999

© Эксмо, 1999

Кир Булычев

Чума на ваше поле!

Махонький муравей волочит сосновую иголку, для него эта ноша солиднее, чем бревно для участников субботника.

Неизмеримы возможности и достижения.

За подвигом должно стоять страстное желание его совершить.

В 1998 году чемпионом мира по футболу стала сборная Франции, которая разгромила в финале великих и непобедимых бразильцев. За спинами французов маячили Фермопилы. Поэтому поражение, столь очевидное для всего трезвого мира, оказалось немислимым.

Миллионы русских людей, просадившие свои ворованные или заработанные доллары в нелегальных ставках на Бразилию и оставшиеся в дураках, принялись сетовать на то, что бразильцы куплены, а великого Рональде отравили французские повара.

В аморальной России, где недорого покупаются министр юстиции и любая футбольная команда, умоляют: «Купите нас, мы недорого стоим!», никто не верит, что муравей дотащит до дома неподъемную иголку, потому что в этом его муравьиный долг. Ведь мы знаем, что Ильич только подставлял плечо, а бревно на субботнике волокли сытые сотрудники Чрезвычайной комиссии.

Однако всеобщая продажность еще не значит, что в России вовсе нет людей, готовых к подвигу. Был бы стимул.

Так случилось в городе Веревкине, где жила Елена Валентиновна Сидорова, преподавательница физкультуры в школе № 2.

Если бы кто-то еще в прошлом году сказал этой скромной миловидной женщине, матери-одиночке, что она своими руками изменит судьбу Земли, она бы первой засмеялась.

Слышали, как Лена смеется? Тихо-тихо, как надтреснутый серебряный колокольчик.

...Но обстоятельства оказались сильнее ее.

Борису, сыну Елены Валентиновны, семнадцать лет. Неизвестно, где он заработал гепатит. Его положили в инфекционную больницу в Туле, и Елена Валентиновна после школы ездила туда на электричке.

Иногда вместе с ней в Тулу ездила Оксана, девочка Бориса, она учится с ним в одном классе. Оксана происходит из бедной семьи армянских беженцев. Беженцы приехали из Чечни.

Чтобы ехать вместе, Елена Валентиновна встречалась с Оксаной у третьего вагона с конца. Между ними не было дружбы и даже теплоты, но Елена Валентиновна отдавала должное Оксане. Ведь в ее возрасте тащиться на электричке в Тулу, привозить скромные дары – Боря сидит на строгой диете, – ждать, пока нянечка вынесет записку с крупно написанными несколькими словами, и снова спешить на вокзал – своего рода подвиг. И, наверное, на самом деле Оксана лишь старается казаться грубой, циничной, чуть ли не развратной девушкой.

Два раза Оксана проникала на строго охраняемую территорию. Шепталась о чем-то с охранником и шмыгала в дверцу за его спиной. Она даже предложила Елене Валентиновне присоединиться к ней. Но та, хоть и хотелось посмотреть на Борю, не посмела нарушить порядок и осталась снаружи, сердясь на Оксану, которую не беспокоили морально-этические проблемы.

– Ты ему платишь деньги? – спросила Елена, когда Оксана возвратилась с пластиковым пакетом белья, которое надо постирать, и прочитанными книжками. Все это должно было остаться внутри и сгореть, но Оксану проблемы вирусов не волновали.

Оксана ответила не сразу. Потом сказала, глядя в пол:

– Я ему услуги оказываю.

Лена подумала, что у Оксаны чудесные волосы, жаль только, что она их так жестоко завивает и подкрашивает безумным оранжевым тоном. Она была стройной, крепкой, ладной, чуть более крутобедрой, чем следует в семнадцать лет. Вскоре она раздобрееет. Но Боря, конечно, об этом не подозревает.

– Какие услуги? – осторожно спросила Елена.

– Не бойтесь, Елена Валентиновна, не сексуальные, – хрипло ответила девица. – Мне этот козел по фигу.

– Я и не думала, – быстро сказала Елена, и получилось, что она будто только об этом и думала. Лучше было бы промолчать.

Когда они возвращались в электричке, Оксана рассказала Елене, что в заражном отделении всегда требуются наркотики. Их приносят с воли. Но далеко не всегда прямо в отделение, можно попасть под шмон, горя не оберешься. Лучше сговориться с ментом, передать ему дозу, а он тебя пустит. Остальное на себе пронесешь. Некоторые заключенные, в смысле больные, тоже выходят. Но это стоит дороже. Ментам подставляться ни к чему. Такое халявное место где еще найдешь?

– И Боря об этом знает? – спросила Елена.

Она искренне расстраивалась, что так тяжело складывается жизнь у этой девчушки, которая вынуждена ради Бориса идти на подлые сделки.

– Еще бы, – ответила Оксана.

Тут бы Елене догадаться, но она тщательно заткнула уши и глаза. Она не допускала мысли о том, что ее чистый, домашний мальчик Боря может оказаться одним из этих...

Лена молчала, глядя в окно электрички, и считала пробегающие за окном дачи.

Оксана тоже не спешила продолжить разговор.

Когда поезд уже подъезжал к Веревкину, Елена все-таки задала проклятый вопрос. Вернее, он сам задался:

– А ты... или Боря... вы эту гадость не пробовали?

– Что вы несете, Елена Валентиновна! – сказала девушка. – Ваш Боря уж полгода на игле.

– Ага, – согласилась Елена. – А ты?

– Он и меня посадил. Я знаете чего боюсь? По-честному? Я боюсь, что я уже бациллоноситель и скоро туда же загремлю. Ведь гепатит половым путем передается. Вы знаете?

– Ты думаешь, что это связано?

– Вы про меня не ответили.

– А что я могу ответить? – сказала Елена и быстро, не попрощавшись, поспешила домой. Убежала.

Она хотела обернуться, но не обернулась, потому что была уверена, что Оксана стоит и глядит ей в спину как матери наркомана... Мать наркомана.

Елена шла к дому, и в ней по очереди возникали слова Оксаны, которые теперь, на расстоянии, приобретали новый, куда более угрожающий смысл.

«Половым путем передается»... Значит, эта девочка совратила Бориса? Уложила его в постель? И они теперь, как говорится в плохих переводах с американского, «занимаются любовью»? Немыслимо! Какая грязь!

«Боря уж полгода на игле»... Она эти слова тоже слышала. В кино. Это означает, что ее сын наркоман. И, вернее всего, эта девица не врет. Она его затянула в эту компанию, она приучила его к наркотикам, она заразила его гепатитом – страшной прилипчивой болезнью...

Надо будет посоветоваться с врачом, раз больше не с кем советоваться.

Елена пришла домой, рухнула на диван, словно весь день таскала кирпичи, и забылась – организм таинственным образом сам находил способ погасить беду. Если не погасить, то хотя бы отсрочить. Даже если уже поздно.

Она проспала до заката.

Врач был под боком. Николай.

Николай – бывший муж Елены и отец ребенка, то есть Бориса. Работает он не врачом, а сотрудником на станции защиты растений. В свое время, несколько лет назад, у него был выбор остаться участковым врачом или заняться квазинаучной работой. Он и занялся.

С тех пор поднялся до заведующего станцией, получает гроши, но счастлив.

На станции есть лаборатория, невесть какая, денег на оборудование не дают, но Николай чего-то выбивает, у него хорошие отношения в области. Когда специалисты разбегаются, начинаешь ценить оставшихся. Благо Николай не стар и даже талантлив. У него есть двадцать с лишним статей в центральных журналах.

В принципе он неплохой человек, но слабый и лишенный самолюбия. Он никогда не защитится и не станет богатым или знаменитым.

Елена Валентиновна разочаровалась в муже на третий год после свадьбы, как раз когда родился Боря. Но, конечно, старалась ничем не показать – терпела. А у Николая были романы с лаборантками и агрономшами в совхозах. Когда Боре было шесть лет, он пришел домой поздно, Елена согрела суп, а Николай, быстро и жадно глотая ложку за ложкой, хвалил суп, а потом признался, что пришел прямо из объятий Верочки, о которой Елена раньше и не слышала. Что он вынужден теперь как честный человек жениться на Верочке, потому что он обещал это сделать в порыве влюбленности.

Елена собрала в чемодан вещи Николая, у него и не было особых вещей. Одежда, шахматы с потеряннным белым конем, выходные ботинки... Николай молчал, потом стал связывать в стопку самые нужные книги и бумаги. Сказал, что за остальными заедет потом.

Он ушел, и Елена стала себя уговаривать, что все случившееся – к лучшему, так как она давно не любит этого человека. Но было горько.

Недели через две Николай позвонил ей на работу, но не посмел прийти домой. Он сказал, что готов вернуться, потому что ошибся. Елена спросила, правда ли, что Верочка отказала ему? Николай сказал, что жизнь, оказывается, куда более сложная штука, чем представляется ее участникам.

Елена засмеялась, она чувствовала превосходство над мужем и попросила его больше не приходиться.

– А как же Боря? – спросил Николай. – Ты лишаешь меня права общаться с сыном? Моя мама этого не переживет.

– Как ты банален! – воскликнула Елена. – Ты когда придешь за остальными книгами и бумагами? А то я замыслила ремонт, давно пора!..

С тех пор прошло десять лет. Они жили рядом. Николай вернулся в квартиру своей мамы. Свекровь приходила посидеть с Борей и помочь, если надо, она была рыхлой, равнодушной, но разговорчивой женщиной. Она обсуждала с Еленой планы, как бы выгодно женить Николая, не понимая, что Елене эти разговоры неприятны. С Николаем они виделись часто, несколько раз на неделе – ведь городок Веревкин невелик, а главная улица, Советская, по которой все ходят, пересекает его, деля пополам.

Два дня после поездки в Тулу Елена провела в таком глубоком упадке сил, в таком нежелании мыслить и двигаться, что даже не подходила к телефону, хотя ей звонили из школы, да и приятельницы беспокоились, не случилось ли чего плохого с Борей.

На третий день Елена пошла к Николаю.

Он был в одиночестве – все разъехались по отпускам, тем более что платить им было нечем. Даже верной лаборантки не осталось.

Николай оторвался от микроскопа. Он был согнутым, но гибким и, если нужно, вытягивался в струнку. Волосы отросли с весны вдвое и делали его похожим на папуасского вождя – хотелось в эту туго заверченную массу волос сунуть гребень и бедренную кость козленка.

Он узнал Елену по легкой, музыкальной, как кастаньеты, походке и спросил:

– Ты не помнишь, куда я завалил очки? С утра ищущу.

– Не лги, мой ангел, – ответила Елена. – Они у тебя в верхнем кармане.

– Садись, – сказал Николай. – Чаю все равно нет.

Елена могла бы ответить достойно, но придумывать остроумный ответ не хотелось.

– Борис попал в больницу, – сказала она.

– Знаю. Мама говорила, – признался Николай. – Я обязательно к нему съезжу. Только вот с деньгами полный зарез. Ему нужны фрукты?

– Ты хоть знаешь, чем он болен? – спросила Елена.

– Да, кстати... – Тут Николай смутился. Запустил пальцы в волосы и стал искать в них козлиную кость. Неловко отцу быть столь нелюбопытным.

– У Бори гепатит, – сообщила Елена голосом прокурора. – Но не в этом дело.

И рассказала о наркомании.

Николай елозил на стуле, словно ждал обвинений: «Как ты мог так игнорировать собственного ребенка, как ты мог упустить его?» Но Елена вдруг заплакала, что ей было не свойственно. Николай впервые увидел, что бывшая жена плачет. Он подумал, какая красивая женщина Елена. Она склонила голову, а волосы у нее темно-медного цвета и даже на шее веснушки. И почему она так коротко стрижется? Разве физкультурнице положено носить мальчиковую прическу? Все годы, пока они жили вместе, Николай мечтал о том, чтобы у Лены отросли пышные медные волосы, чтобы можно было гладить их и нюхать. Может, поэтому Николай, обрета одиночество, отпустил такую гриву.

Николай преодолел острое желание обнять Елену и утешить ее поцелуями, потому что понимал – сейчас она все это поймет неверно и решит, что он совсем уж бессердечный сексуальный маньяк.

– Наркомания и гепатит тесно связаны, – сказал он. – Мне приходилось об этом читать.

– Где?

– В газете, где же еще?

– И что же ты предлагаешь?

– А разве я должен что-то предлагать?

– Не могу же я одна с этим справиться.

– Возможно, это не очень серьезно – попробовал и все. С подростками это бывает. Если хочешь, я с ним серьезно поговорю.

Николаю еще ни разу не удавалось серьезно поговорить с Борисом. Борис не считал его настоящим родителем, имеющим право наказывать.

– Узнай, пожалуйста, какие есть от этого лекарства, – попросила Елена. – У тебя же есть связи среди медиков. Наверняка появились новые средства. Может быть, импортные.

– А ты уверена, что Боренька?.. – спросил Николай вместо того, чтобы ответить на вопрос.

– Чем ты можешь помочь? – спросила Елена.

За немывтым окном лаборатории торчали покосившиеся после урагана тополя.

– Я сам с ним поговорю, – сказал Николай.

– Тебя не пустят. Это инфекционное отделение.

– У меня в области каждый второй врач знакомый.

– Тогда достань лекарства.

– Но их же нет, – разумно сказал Николай. – Наркомания лечится усердием близких, силой воли больного, разумным медицинским уходом, а в медикаментозные средства я, прости, Елена, не верю.

– Коля, у тебя же хорошая голова. Придумай что-нибудь.

– Хорошо, хорошо, завтра я еду в Тулу.

Елена ждала на скамейке в больничном саду. Ехали они отдельно. Николай в Туле ночевал – он остановился у своего институтского друга, чтобы уже с вечера обзванивать знакомых. Елена приехала ранней, набитой народом электричкой.

Николай сразу прошел внутрь, а о Елене не подумал. Она и не обижалась, но страшно хотела хотя бы поглядеть на Борю.

Два парня подозрительного вида стояли за кустами у анатомички. К ним подошел милиционер. Елена ненавидела их. Она знала, что дозы, которые переходят к охранникам, предназначены и ее мальчику.

Раньше она никогда бы не посмела, да и не позволила себе вмешаться. Но сейчас она защищала сына.

Она поднялась со скамейки и пошла к троиче.

При виде приближающейся женщины собеседники прервали разговор. Обернулись к Елене, как оборачивается стадо гиен, когда посторонний прерывает пир у трупа. Милиционер был туп и грузен, один из курьеров (она называла их для себя по-газетному курьерами) – просто громила со скошенным подбородком и симметрично скошенным черепом. Третий был куда значительнее, может, даже привлекателен, если бы не рыжие глаза. Злые глаза. Тигриные глаза. А остальное из плохого американского фильма – выправка, плечи, обтянутые футболкой, чтобы окружающие бабы могли полюбоваться мышцами, узкие бедра, обтянутые джинсами. Наверное, «голубой», подумала Елена.

– Ты чего? – спросил мент.

– У меня там лежит мальчик, – сказала Елена. Она не хотела ничего говорить, даже подходить к ним, разумеется, не хотела. Но все происходило помимо ее желания. Нервы разыгрались.

– Ну и лежит, – сказал мент.

– Он наркоман, – сказала Елена. – И я знаю, что туда приносят наркотики. И если вы с этим связаны, то должны понять, насколько это бесчеловечно.

– И что? – спросил милиционер. – Что?

– Я надеюсь, что вы к этому не причастны. Но если это не так...

– Гражданка, шли бы вы отсюда, – сказал милиционер.

– Психованная, – сказал Скошенный подбородок.

– В конце концов, должна же быть на вас управа, – сказала Елена. – Не может быть, чтобы вас не запретили.

Тигринный глаз чуть сощурился. Был он опасен. Но не рычал и кинуться не собирался. Пока.

Елена почувствовала свою незащитность. Никого близко, будешь кричать – никто не обратит внимания. Теперь многие кричат вслух.

Мент присвистнул и пошел прочь, размахивая дубинкой.

– Что здесь происходит? – Николай окликнул издали, почуяв неладное. Елена кинула на него взгляд, а когда обернулась вновь к тигроглазому бандиту, тот уже уходил. Он шел впереди, спина у него была прямая, как у балетного мальчика, Скошенный подбородок ковылял сзади, он был так широк, что скрывал товарища.

– Что они говорили? – спросил Николай. – Ты зачем к ним подошла? Или они к тебе подошли?

– Ничего, ничего, я уже забыла, – сказала Елена. И в самом деле уже забыла. – Что с Борей, ты его видел?

– Я его видел, – ответил Николай. – Пошли, сядем на скамеечку.

У него была манера давать предметам уменьшительные названия.

– Тебе подстричься надо. – Елена не выдержала долгой паузы.

– Не понравился мне Боречка, похудел, понимаешь, – сказал Николай. – Но в целом держится. Ослаб, конечно, но держится.

– Когда его выпустят?

– Пока не сказали.

– Но что о перспективах?

– Подлечат. Сначала подлечат, а потом сдадут тебе. Тогда придется нелегко.

– Ты знаешь, что в отделение проникают наркотики?

– Не может быть!

– Разве твои знакомые врачи не знают?

– Знают, – проговорился Николай.

– Я вот с ними сейчас разговаривала.

– Нет, там был милиционер, я видел.

– Кто-то должен передавать.

Николай дернул себя за тугой локон.

– По крайней мере, – сказал он, – будут получше ухаживать. Получше... Что бы они мне ни обещали, я понимаю: у них нет возможностей лечить Борю отдельно от других. Ну какие, скажи, у них возможности?

– А что с лекарствами?

– Я спишусь кое с кем. Спишусь. Завтра же.

Они ехали обратно в пустой электричке. К сожалению, верхние, опускающиеся половинки окон были сломаны, заклинились, и воздух в вагон не попадал, зато его сильно накаляло солнце.

Николай рассказывал о том, как болеет его мамочка. Потом вдруг спросил, положив пальцы на ее кисть, не лучше ли теперь, когда так трудно, когда такая беда с Борей, не лучше ли снова объединиться. Вместе жить лучше. Тем более когда Боря...

– Это шантаж, – сказала Лена.

– Это потому, что мне без тебя скучно, – сказал Николай.

– Сначала надо поставить на ноги Бориса.

– А потом поговорим?

– Ты как ребенок, Николай.

– Может быть. Сегодня же займусь маком.

– Почему маком?

– Героин – производное от макового сока. Есть цепочка: мак – опиум – героин. Я плохой химик, но стал неплохим ботаником.

– Конечно, – согласилась Елена, которой хотелось верить в возможности бывшего мужа. – Не исключено, что есть лекарства, просто никто не задумывался.

– Должны быть.

– Как гомеопатия, правда? Ты берешь капельку героина и потом выбиваешь ею болезнь.

– Даже самая маленькая капелька героина работает как наркотик, – возразил Николай. – Боюсь, что твой путь бесперспективен.

– Но еще важнее, – сказала Лена, – найти какие-то зарубежные лекарства.

– Я постараюсь.

Лене стало легче. Значительно легче. Теперь она была не одна. Можно кому-то поплакаться в жилетку, не стыдясь того, что произошло в семье. Правда же, в семье?

Николай проводил Лену до дома. Потянулся поцеловать в щеку, Лена отстранилась. Ей показалось, что кто-то может заметить.

Николай вел себя достойно. Съездил в Москву, поговорил с какими-то людьми, сказал по приезде, что сам будет лечить ребенка. Лене хотелось верить, что теперь все образуется.

Бориса выписали из больницы под честное слово родителей. Он был слабый, вялый, даже физически так ослаб, что не смог нарубить дров, когда его попросила соседка с первого этажа. Елена накинулась на соседку, чуть не кричала: ребенок только что после заболевания, такого тяжелого, что некоторые умирают, – ему нельзя напрягаться.

Соседка хоть и стерва, смешалась, забормотала, даже кончик носа покраснел.

Оксана пришла на второй день, они с Борисом долго сидели на диване перед телевизором и о чем-то шептались. Елена была полна подозрений, ей казалось, что девушка пытается незаметно подсунуть Борису какое-то зелье.

Вечером кто-то звал с улицы, из кустов, чтобы Боря вышел.

– Кто это? – спросила Елена.

– Я им бабки должен, – сказал равнодушно Борис. – Они меня достают.

Елена сразу догадалась, что бабки – это деньги, она была к этому готова. Она знала, что наркомафия именно так затягивает в свои сети простаков. Сначала – бесплатно, а потом все глубже и глубже ты тонешь в долгах.

– И сколько ты им должен?

– Не знаю.

– Ты не можешь не знать.

– Честно, мам, не знаю.

– Но приблизительно?

– Они все равно давали.

– А теперь?

– Оксана с ними поговорит.

– Ты не боишься за свою девушку?

– Чего за нее бояться? Ты не знаешь, кто ее брат!

– Кто же?

– Так я тебе и сказал.

– Ты дурак, Борька, – сказала Лена. – Ведь мне все равно придется самой за тебя расплачиваться.

– Я пойду работать, – сказал Борис. – Меня звали. Охранником.

– И кого же ты будешь охранять?

– Кого надо.

– А если тебя ветром сдует?

– Помолчи, ма, ты все равно не понимаешь.

– Куда уж мне.

Борис лег, свернулся калачиком, носом к стене. Его колотила дрожь.

Лена была на кухне, готовила ему диетическую кашу, когда сын постарался незаметно уйти из дома. Она оттащила его за рукав от двери – она стала куда сильнее его и страх за мальчика удваивал ее силы. Не рассчитав усилия, она так дернула его, что Борис потерял равновесие и ударился спиной о вешалку. И заныл, что было ему не свойственно.

– Ты чего? Размахалась!

Лена его не стала жалеть, даже не помогла подняться – была зла.

– Физкультурник, – сказала она, – метр восемьдесят в высоту! Вы на него посмотрите!

У них с сыном был свой, легкий, подчеркнута ироничный, игривый тон общения, так бывает у одинокой матери с единственным сыном. Мать как бы играет в старшую сестру, а то и в отца-братишку. Дружит с приятелями, усиленно и даже настырно влезает в их дела, особенно в сексуальные. Но матери не очевидно то, что понятно подросткам: она чужая на их пиру.

И вдруг в одночасье этот тон исчез – он больше не был нужен. Пришла пора выяснить отношения и определить, кто вожак, а кто хроменький аутсайдер.

Той ночью он убежал из дома – со второго этажа выпрыгнул, хорошо еще ногу не сломал. А вот обратно под утро попросился – не лезть же наверх.

Лена сидела у окна и видела, как Борька возвращается домой – уверенно, как здоровый.

Но она знала, что это не Борька, это его болезнь, это нажравшийся наркотиками зверь, который сидит в сыне и грызет его. И пока не сожрет, не успокоится. Или пока не кончатся все наркотики на земле.

Она открыла дверь – он сжался, думал, будет бить.

А Елена спросила с интересом, будто всю ночь ждала задать именно этот вопрос:

– А ты чем колешься?

– Т-ш-ш-ш, – испугался Борис. На лестничную клетку выходили еще две квартиры. Борис охранял честь дома.

– Заходи, – сказала Лена. – Сейчас горячего чайку выпьем, а то я уже спать расхотела, пока тебя ждала.

– Я не хочу чаю, – сказал Борис.

– И не думай – ночь какая холодная! Тебе еще не хватало воспаления легких! Тогда ты точно загнешься.

Елена надеялась, что на рассвете, когда ты с сыном совсем одна во всем мире, он будет открыт для нее, искренен. Ей не справиться с чудовищем, если Боренька не поможет.

Но Борька сказал, что хочет спать. Признался, что колется героином, но потом заскучал, стал заговариваться и ушел. Это очень страшно – видеть, как бормочет твой сыночек, уходя в свой закрытый, больной мир непонятных образов.

На следующую ночь Боренька снова убежал.

Елена видела, как он это сделал, но не стала его останавливать. Она решила выследить его. Заранее надела кроссовки и джинсы.

Боря шел, не оглядываясь, он не боялся погони. Он мерз, переходил порой на трусцу, но ему было тяжело бежать, и он снова шел, согнувшись и прижимая кулачки к груди.

Он дошел до кафе «Свежий ветер» – «Открыто круглосуточно 24 часа».

Он прошел внутрь, сонный мужик у входа знал его – впрочем, не так много встретишь незнакомцев в Веревкине.

Окна в кафе были зашторены, Лена подошла к двери.

– Тебе куда? – спросил мужик.

Было темно, мужик, видно, принял ее за девицу, из приезжих. Порой на каникулы сюда присылают детей из больших городов к бабушкам. Воздух в Веревкине пока еще деревенский.

– Я в кафе, – сказала Елена.

Мужик перекрыл дверь длинной рукой. В полумраке видно было, как блестит золото его зубов.

– Я сказал же, – ответил мужик лениво. Он не желал ей вреда, но пускать незнакомую бабу не хотел.

– Пропустите, – сказала Елена настойчиво.

Он так ее и не узнал, а Елена его узнала – он учился в ее школе, два раза приходил в секцию по самбо, которую она вела когда-то в районном Доме пионеров. Только Лена забыла, как его зовут – он оказался неспособным, ленивым и боялся падать. В спорте мало перспектив у тех, кто боится падать.

Елена протянула руку, чтобы отстранить его, и страж ворот схватил ее за руку, чтобы отбросить, забыв, что у спортсмена две руки и две ноги.

Страж грохнулся о землю. Тяжело грохнулся, тем более что владельцы кафе для красоты выложили квадрат перед дверью керамической плиткой.

Елена вошла в кафе. И тут же увидела Борю.

Он сидел за столом. Напротив – тот, Скошенный, которого Лена видела в Туле. Скошенный как раз двинул ладонью какой-то белый пакетик.

Лена шагнула к столику и тут же увидела старшего, с тигриными глазами. Он стоял у бара и смотрел на нее.

Она шла сюда, чтобы поговорить с теми, кто снабжает Борю отравой, поговорить, может, убедить их в чем-то, может, откупиться. Но неожиданно для себя она не совладала с рефлексом защиты ребенка. Она кинулась к столику.

От соседних столов, утопавших в полутьме, оборачивались к ней бледные круги лиц.

Прежде чем Боря и его спутник ее увидели, Лена сбросила пакетик на пол. Боря кинулся под стол и пропал – он ползал там, в темноте, разыскивая драгоценный пакетик.

– Ну ты... – зарычал Скошенный подбородок. – Да я тебя...

Он был настолько страшен, что Лена отступила и почувствовала угрозу сзади. Сделала шаг в сторону, кинула взгляд назад – там стоял обиженный ею охранник, что сторожил вход.

Бессмысленно было взывать к рыцарским чувствам: сейчас им все равно – бабушка ты, мужик или цветочек. Растопчут.

Но нельзя уходить без Бори.

Решения не было. Выхода не было.

И тут пришел Тигриный глаз.

– Бери своего мальчишку, – сказал он.

Лена хотела сказать спасибо, но поняла – не место и не время. Тигриный глаз не хочет опасного для заведения скандала. А вдруг ее прибьют?

Это она все поняла и продумала потом, когда шла домой.

А сейчас послушалась бандита – благо Боря как раз вылез из-под стола и старался выпрямиться. Она тащила его за сжатый кулак – в кулаке был пакетик.

Тигриный глаз шел сзади.

Оркестр молчал, в зале царил шорох голосов.

Она опомнилась на улице.

Тигриный глаз сказал:

– Уходи, а то я не ручаюсь.

Они с Борей быстро пошли прочь. Она выцарапывала на ходу пакет с наркотиком. Боря выдергивал руку – словно он был малышом, а в руке – конфетка.

– Разве ты не понимаешь, что я хочу тебя спасти? – Она пыталась достучаться до его заледеневшего сердца. Как звали того мальчика у Андерсена? Снежная королева остудила его сердце. Господи, какая это была страшная сказка! Лена так и не дочитала ее до счастливого конца. Она не поверила в торжество добра и справедливости.

– А может, я хочу откинуть копыта? – кричал Боря. – Что ты понимаешь? Всю жизнь прожила как положено, от сих до сих, спать, жрать, с отцом трахаться... вот и вытрахала меня!

– Борис, как ты смеешь так говорить?

– Смею. Я за чертой, – сказал сын. – Я там, а ты среди благовоспитанных... Вы тоже наркоманы, вы все наркоманы обыкновенной жизни!

– Это не твои слова. Это тебе сказали.

– Мало ли чьи слова!

– Если с тобой что-нибудь случится, я их всех убью. Ты понял? Я их убью.

– Ну и что? Встанут новые бойцы. Ты в школе училась? У нас историчка – коммуняка.

Она говорит, что Ильич пошел другим путем. А почему, знаешь?

– Почему? – глупо спросила Лена.

– Потому что индивидуальный террор, который так любил его братик Саша, ни к чему не вел. Ты убьешь плохого губернатора, пришлют другого губернатора, еще похуже прежнего.

– По крайней мере у тебя голова еще работает, – сказала Лена.

– Некоторое время... – Боря попытался улыбнуться.

На улице было совсем темно, многие фонари разбиты, они шли так, как будто просто припозднились из гостей. Дул несильный прохладный ветер. Лето кончилось. Ночью Боре было плохо. Это была не ломка – он принял дозу недавно, просто организм отказывался от ядов, которые в нем накопились.

Лена почти не спала.

Утром пришел бодрый, пышущий здоровьем Николай.

Вместо того чтобы поздороваться, он с порога сообщил:

– Я нашел Мирошниченко, Сашеньку. Ты его не помнишь?

– Заходи.

Утро было туманным, серым, влага вползала в открытую дверь. Николай был без пиджака, в одной ковбойке. Он не признавал перемен в погоде.

– Боря спит? – спросил Николай.

Он прошел на кухню, сел за стол и стал водить ладонью по клеенке. Когда-то, тысячу лет назад, он сам купил эту клеенку дикой расцветки.

– Значит, так, – сказал Николай. – Они работают над септорией каннабина. Я потому и вспомнил, что читал ссылки на его статью.

– Тебе чаю поставить?

– Нет, я пил. Но от кофе не откажусь.

– Кофе нет. Не купила.

– Нет проблем. Значит, Саша работает над септорией, а американцы узнали – у них тоже проблемы, а у нас финансирования не хватает. Они ему долларов подкинули. Мне бы на сорняки подкинули, а?

– Не шуми, Боря разбудишь.

– В его возрасте я спал, невзирая на шум. А помнишь, как моя мама отца колотила?

– И что же стал делать твой друг Саша?

– Они теперь перешли на другой грибок. Перспективы умопомрачительные!

– Николай!

– Перехожу к переводу на язык толпы. – Николай засмеялся собственной шутке. – Потерпи, мой Леночек, все поймешь, несмотря на твое физкультурное образование. Итак, септории могут угнетать отдельные виды растений. Мы заражаем грибком плантации, и растения определенного вида теряют способность к фотосинтезу. Они угнетены, они погибают.

– То есть, если посыпать этим грибком наркотики, они погибнут?

– Ты не совсем поняла. Мы должны отыскать посевы опиумного мака, внедрить там культуру грибка...

Из своей комнатки вышел Боря, он не удивился, что блудный отец сидит с утра на кухне и мирно беседует с мамой, его мутило, он прошел в туалет.

– Он плохо выглядит, – сообщил Николай Елене.

– Ты прав, – сказала Елена, но Николай не уловил иронии.

– Ему надо больше заниматься спортом... или хотя бы быть на свежем воздухе. Ты совсем не потрясена моим рассказом.

– Не потрясена.

– Это же принципиальный прорыв. Мы покончим со всей этой заразой!

– Мы?

– Сашка сказал, что я могу перейти к нему в лабораторию фитопатологии. Понимаешь, мы с ним в одной системе. Мне дадут койку в общежитии...

– Ты уедешь из Веревкина?

– Это настоящее дело! Мы не будем бегать за каждым наркоманом в отдельности...

Каждый наркоман в отдельности в лице его сына Бори стоял в дверях кухни, был он зеленоватого цвета и чуть шатался.

– Пустое дело, – сказал он. – Ты не представляешь, как они организованы. У них все схвачено, даже в правительстве свои люди.

Николай удивился:

– Ты откуда знаешь?

– Странно, что ты не знаешь, – вмешалась в разговор Лена, – открой любую газету.

– Ох уж эта пресса, – сказал Николай, хотя никакого вреда от прессы не испытывал. Как мама считала, так он и озвучивал.

– Лучше что-то делать, чем ждать. – Лена перешла на сторону мужа.

– Возьмитесь за руки, друзья, – сказал Борис и поплелся к себе.

Николай попрощался, радостный. Даже сказал:

– Пожалуй, нам с тобой лучше жить вместе, мы подходим друг другу.

– Тебе многие подходят, – возразила Лена.

Когда она вышла в магазин, на десять минут, Борис сбежал.

Лена знала, где его искать. Она схватила зонтик – на улице разошелся холодный мелкий дождик, – и побежала к кафе «Свежий воздух». Название звучало саркастически. На этот раз охранник ее узнал.

– Елена Анатольевна, – сказал он, завидя ее, – нечего вам у нас делать.

– Ты же знаешь, Буреев, – ответила Лена.

– Сейчас многие на это попадают, – сказал Буреев.

– Так хорошо учился, – сказала Лена. – Даже жалко. – Не помнила она, как учился Буреев.

Вернее всего, плохо.

– Это вы меня заразили, – сказал Буреев, который даже маленьким мальчиком был серьезен. – Привили любовь к спорту. Теперь так и живу: сила есть, ума не надо.

– А то бы уже кандидатскую защищал, – съязвила Лена.

– Вы не заходите, я вам его выведу, – сказал Буреев.

Лена подчинилась. Да и страшно было заходить. Она боялась Скошенного подбородка и еще больше боялась Тигриного глаза.

Боря вышел не один. За ним, в двух шагах, шагала мужчина с тигриными глазами, главный подлец.

– Здравствуйте, Елена Анатольевна, – сказал он, – мне жаль, что так получилось. Но я не могу быть нянькой вашему парню. Другие в его возрасте деньги зарабатывают, а он у вас паразит.

«Наверное, он хочет, чтобы я устроила здесь сцену, все будут смотреть и издеваться».

– Пойдем, мама. – Боря потянул ее за рукав.

– Я обещаю, что буду гнать его, – сказал Тигриный глаз.

Он смотрел на Лену странно, если бы не предмет беседы, она бы решила, что нежно. Что он хочет ей понравиться.

– Но такие лезут в окно, если их гонят в дверь.

– Ма, ну пошли. – Боря вел себя как капризный ребенок.

Они пошли прочь. Буреев вежливо попрощался, но Лена не услышала.

– Я тебя увезу, – сказала она.

– Что ты, мама! – Боря успокаивал ее. – Куда ты меня увезешь? Они же везде. И я их буду искать. Мне больше ничего не надо.

– Но так быть не может! Ты же разумный человек! Я тебя воспитывала.

– Не в твоём воспитании дело, – сказал Борис. – Если хочешь, можешь меня убить, но тебе не будет легче, я тебе обещаю.

Лена невольно улыбнулась.

Они пили чай. Лена понимала, что ей надо возвращаться в школу. Но если она вернется, то Борис останется без присмотра – для него это смерть. Но и не выходить на работу нельзя – дома нет никаких сбережений. Она нарочно не заглядывала в свою маленькую шкатулку, где были все ее драгоценности – обручальное кольцо, которое она не носила, расставшись с Николаем, мамины колечки, подарок Николая – брошка из янтаря, в ней-то и золота – кот наплакал. И наследства ей не досталось. Никакого наследства.

Пришел Николай. Оказывается, он и в самом деле уезжал в Москву.

Лена расстроилась. Сама вроде подтолкнула Николая к этому шагу. Но до этого у нее был хотя бы один, хотя бы бестолковый, но союзник. А теперь она осталась совсем одна.

Николай принес фотографии.

Фотографии были крупные, двадцать на пятнадцать, цветные.

На четных – посевы наркотиков до обработки грибком, на нечетных отпечатках – результаты деятельности грибка.

На первых фотографиях были зеленые поля, обрызганные алой кровью – мелкими капельками крови. Это были, как догадалась Лена, цветы мака.

Растительность на нечетных снимках была бурой, выгоревшей, но не вся. Трава, которая росла в междурядьях, осталась зеленой.

Николай все не верил, что Борис с Леной до конца прониклись важностью открытия.

– А он не боится? – спросил Борис.

– Чего ему бояться?

– Ты не представляешь, папа, какие у них связи. В наши дни человека заказать – как поле перейти – бирюльки... А что такое бирюльки, папа?

– Не знаю, – сказал Николай. – Но нас не запугаешь.

– Вас никто не пугает, – сказал Борис.

И ушел спать. Он был слабеньким, и начиналась ломка. Хоть бы заснул. Николай ушел, оставил фотографии Лене, наверное, чтобы смотрела и радовалась. Она смотрела. На обороте фотографий было написано, когда и где сняты. Лена достала географический атлас, стала искать по списку населенных пунктов, но, видно, это были небольшие населенные пункты, и она ничего не нашла.

Она долго не спала, ей все казалось, что Боря тихонько поднялся и уходит из дома, но потом она поняла, что сейчас, ночью, он никого не найдет, и стала думать, как прожить без работы – так ведь с голоду помрешь. Жаль, что в Веревкине нет панели. Вышла бы на панель улицы Советской или площади Ленина – сразу не переименовали, теперь только попробуй! И мужики будут ходить мимо и говорить: «А это наша учительница физкультуры, у нее мой младшенький учится гимнастике. Может, скинемся на двоих?» Мысли показались самой такими грязными, что она заснула, только чтобы не думать.

Утром проспала. Ни Бори, ни фотографий.

Боря скоро пришел, глаза большие, насосался.

– Ты зачем фотографии взял? Они же отцу нужны!

– Мам, мне же никто в долг не дает, – признался Боря. – Я подумал, а вдруг за фотки дозу заколочу?

– Идиот! Они нужны отцу для работы! Для того, чтобы всю эту гадость истребить.

– Мама, это же не гадость, это радость жизни. – Он был разговорчив, сел на кухне, пить-есть не стал, стал рассуждать о том, как окончит школу и пойдет сразу в бизнес.

Пора заниматься делом.

Он верил чепухе, которую нес.

– Кому ты отдал?

– Аскольд взял, сказал, ему интересно.

– Кто такой Аскольд?

У Бори голубые глаза, а теперь они потеряли яркость и стали цвета неба с молоком. Он никак не мог сфокусировать взгляд.

– Аскольд? – Боря с трудом вспоминает. – Таинственный человек, не из Веревкина, отдыхает у нас, отсиживается. Авторитет.

– Для кого он авторитет? – Лена уже догадалась, что Боря имеет в виду Тигриного человека.

– Ты не понимаешь, мама. – Боря пытался улыбнуться, но щеки его не послушались, словно у него во рту заморозка после зубного врача. – Авторитет – это значит в законе. Вор в законе.

– Он вор?

– Не обязательно вор. Авторитет может быть разный...

– И торговец наркотиками?

– И торговец. Я спать пойду.

Все, из Бори выпустили воздух.

Вряд ли эти фотографии кому нужны. Но зачем этот Тигриный глаз привязался к Боре? Днем она все-таки вышла в магазин, нельзя же совсем без продуктов сидеть. В гастрономе встретила Буреева. Вне кафе он был благообразен.

Лена спросила его, кто такой Аскольд.

– Один из этих, – ответил Буреев. – А что?

– Я его знаю?

– У него вид уголовный. Глаза – как у моего Васьки. – Буреев засмеялся.

Значит, это Тигриный глаз.

Николай зашел во второй половине дня. Попрощаться. Он принес пятьдесят долларов. Больше у него не было. И на том спасибо. Он сказал, что сразу позвонит и, как что узнает, сообщит. Потом сказал:

– Погляди в окно, только занавеску не отодвигай.

За окном, разговаривая и вроде бы не глядя на дом, стояли Скошенный подбородок и еще один, молодой парнишка.

– Что им от меня нужно? – спросил Николай.

– Это опасные люди, – сказала Лена.

– Преступник. Я читал, профессиональный преступник, авторитет в уголовном мире.

Лена хотела сказать о фотографиях, но испугалась, что Николай рассердится. И за дело. А так пропали фотографии – и пропали.

Потом пожалела.

– Наверное, они за Борисом следят, – сказала она. – Но ты осторожно ходи по улице. И сразу мне позвони, хорошо?

Николай уехал.

Вечером позвонил из Москвы, что доехал нормально. Устроился, начинает работать. Завтра.

– А этих... этих не видел?

– Не знаю, – сказал Николай. – Может быть, я их видел, а может, и нет. Я, честно говоря, забыл.

Деньги разлетелись за два дня.

Наступил учебный год.

Лена пошла к директору школы и попросила месяц за свой счет.

– Ты с ума сошла! – завопил директор. – Где я в сентябре нового физкультурника возьму? Кто за такие гроши будет вкалывать? Может, ты другое место нашла? Но учти, я все равно прибавить не могу.

– Я не нашла другого места, у меня мальчик гепатитом болен, нужна диетическая пища, я его кормлю. Он слабый.

– Ах эти матери-одиночки! – сказал директор. – Ничего с твоим оболтусом не случится.

Он дал в конце концов этот месяц. Даже предложил одолжить немного, из своих. Лена отказалась и чуть не заплакала. Не ожидала хорошего, тем более сейчас, когда готова была к обидам и несправедливости – ведь мир уже был к ней несправедлив: растить одной мальчика, во всем себе отказывать, и теперь мальчик обречен... Не смей так говорить, даже думать не смей!

Она теперь куда меньше встречалась и говорила с людьми, даже делала вид, что не заметила того или иного человека. А это нелегко в небольшом городе, особенно если ты несколько лет проработала в школе. Но вскоре люди и сами перестали подходить к Лене – может, они знают, что Борис наркоман? В этом нет ничего удивительного. Кафе «Свежий ветер» для всех известный притон. Только ты, Елена, этого не замечала.

Она уже понимала, что потерпела поражение. Не вытянуть ей Борю. Если она будет вот так гоняться за ним, выслеживать, она станет посмешищем в городе, а мальчика не спасет.

Она снова пошла в «Свежий ветер», попросила Буреева вызвать Аскольда.

– Аскольд, – сказала она, когда тот вышел, на ее маленькую радость – быстро, не заставил ждать на ветру, на улице, где могли пройти мимо знакомые.

– У нас проблемы? – спросил Аскольд. Он всегда улыбался, как будто издевался над собеседником.

– Мне больше не к кому обратиться, – сказала она.

– Вы обращались к бывшему мужу, – ответил Аскольд.

Он завел ее в комнату администратора. Там было душно и тесно, толстый человек, которого Лене приходилось встречать на улице, тут же вышел.

– Но это как бы в перспективе, – сказала Лена. – Вы же понимаете, что те исследования Боре не помогут.

– А вот разбрасывать такие документы не следует – Боря отдал их чужому человеку. Они прошли мимо меня, – ответил Аскольд. – Пить будете?

Он открыл ящик шатучего письменного стола и вытащил из него плоскую бутылку джина. Когда Лена была еще совсем молоденькой, она с юношеской сборной летала в Белград на первенство Европы. Тогда по самолету ездила тележка, и в ней были валютные товары. В том числе вот такие бутылки. Лене тогда больше хотелось духов, но у нее не было валюты, хоть у тренеров и руководителей делегации была валюта и у некоторых спортсменов, которые не в первый раз, тоже была – они вывозили наши товары, икру, например, и в гостинице продавали. Лена дальше юношеской сборной не пошла – надо было начинать всерьез принимать гормоны, а мать взъерепенилась: не хочу дочку делать уродом! Лена получила мастера, но выше не поднялась. И не пускали, и конкуренция была жесткая, а ее тянуло в многоборье, у нее были международные результаты. А кончила она школьной учительницей, правда, с дипломом Московского института физкультуры.

– Задумались? – спросил Аскольд.

Он разлил джин в высокие бокалы, подвинул по столу бокал Лене.

– У нас без церемоний, – сказал он, – льда и тоника не предлагаю.

– Спасибо, не надо.

– Уже налито, – сказал Аскольд.

Елена выпила вместе с этим бандитом. Куда денешься? Он – последняя надежда. По крайней мере он может больше, чем муж Николай.

– Вы надеетесь, что я возьму вашего сынка и вытяну за уши? – сказал Аскольд, отпивая джин маленькими глотками – какая гадость!

Елена кивнула: «Надеюсь».

– Если я вытяну его сегодня, то завтра его затамят другие, потому что он сам не хочет завязывать. И не мотайте головой – я с ним разговаривал. Он уже тряпка, он уже кончился. Вам трудно к этому привыкнуть, вам невозможно с этим смириться. – Аскольд говорил правильно, даже книжно, но слишком сухо и казенно. Как очень образованный робот. Хотя Лене не приходилось разговаривать с образованным роботом. – Я теряю на вас время, которое мне никто не возместит, – продолжал Аскольд, не глядя на Лену, словно ее и не было уже, – потому что вы мне нравитесь. Я хотел бы... в общем, хотел бы спать с вами. Да не вскакивайте. Я не сказал ничего оскорбительного. Одинокой женщине должно льстить внимание мужчины.

– Но уж не такого, как вы! – Лена поднялась и пошла прочь. Аскольд не окликнул ее, хотя уже через десять шагов она раскаивалась в своем поступке, но не могла остановиться и вернуться, потому что этим призналась бы в правоте Аскольда и в том, что она в душе панельная девка, поскольку ночами изводится от желания быть с мужчиной, и, вернее всего, с таким, как этот Аскольд.

Теперь не на кого было надеяться.

Но в жизни бывает так: ты стремишься, борешься, добиваешься, а следует выждать. Чаще всего следует выждать, потому что события сами находят свой единственно возможный путь – суется ты или нет. Мудрецы тем и отличались от обычных людей, что умели терпеть. Терпеть и ждать, когда хочется броситься вприпрыжку.

После неприятного разговора с Аскольдом Елена старалась не выходить вечером на улицу, а с Борисом она стала излишне строга и резка и даже однажды его ударила. Не пощечину отвесила, как делают в драматических кинофильмах, а сильно ткнула кулаком в лицо, расквасила нос, и Борис плакал, потому что был слабее ее и слабее того демона, что сидел внутри него и требовал отравы.

Так прошло три полугодных, несчастных, безвыходных дня.

А потом пришла телеграмма от Николая. В телеграмме тот коротко написал:

БЛЕСТЯЩИЕ РЕЗУЛЬТАТЫ. ТРЕПЕЩИТЕ НАРКОБАРОНЫ. ТЕРПИ. НЕМАЛО ВРЕМЕНИ ПРОЙДЕТ ПОКА ПОЛУЧИМ РАЗРЕШЕНИЯ И ТАК ДАЛЕЕ. ПОКА ЗАНАЧКА. ВОСКРЕСЕНЬЕ БУДУ ЖДИ. НИКОЛАЙ. НОБЕЛЕВСКАЯ ПРЕМИЯ КАРМАНЕ.

Телеграмма была бестолковой, как сам Николай, но Лену она не обрадовала. Чему радоваться? Где-то придумали средство уничтожить маковые посеы. Через пять лет первый самолет поднимется в воздух над опытным хозяйством, а Бори уже не будет. Она знала, что Бори уже не будет.

Конечно, можно утешать себя, что какие-то другие матери будут счастливы. А может, и не останется уже счастливых матерей.

Телеграмму она спрятала от Бори – мало ли кому он ее отдаст за дозу? Лена не представляла себе, как некто злобный сможет использовать слова Николая, но если Аскольд об этом говорил, лучше подстраховаться.

Лена заглянула в Борину комнату. Сын спал. Свернулся калачиком. Спрятался. Даже во сне.

Лена взяла с собой оставшееся от мамы кольцо с акваарином. Берегла, как семейную реликвию. Положено было передать кольцо по наследству невесте после Бориной свадьбы. Теперь самое время наступило кольцу принести пользу. Лена знала, кому отдаст кольцо – ее бывшая соученица его уже много лет выпрашивала, за любые деньги. А теперь она разбогатела, замужем за хозяином веревкинской бензоколонки.

Она прошла всего сто метров, как увидела почтальоншу Александру Ивановну. Александра Ивановна была глупой женщиной без возраста, которая страшно гордилась тем, что исполняет важную работу. Наверное, она единственная во всем городке гордилась своей работой.

– Елена, стой! – сказала она с самоуверенностью идиотки. – Тебя сегодня посланиями завалили. Я прочла, удивилась. Тебя окружают эти самые, правильно?

– Правильно, – тихо ответила Елена.

– Наркобароны! – вспомнила Александра Ивановна.

По другой стороне шел директор школы – ну зачем ему ходить по улицам в такое время?

– А ты не беги, не беги, – сказала почтальонша. – Продолжение следует. Распишись-подвинься.

Елена расписалась в растрепанной книжке. Директор, кивая, отправился дальше. Конечно, он все знает про Борю, наверное, в городе уже все знают.

Почтальонша стояла рядом и ждала, когда Елена прочтет телеграмму, но Елена медлила.

– Ты читай, читай, – сказала почтальонша. – Я все равно уже прочла. И на почте, сама понимаешь, тоже люди. Все читали.

– «Приезжай немедленно, – прочла вслух Елена. – Случилась беда. Тамара».

– Ну вот, видишь, – сказала Александра Ивановна. – Что значит связываться с ними.

– С кем?

– Откуда телеграмма? Из того же отделения, что и первая, – мне Алла сказала, она все сечет.

– А кто такая Тамара? – спросила Елена.

– Ну вот, и не знает, – сказала почтальонша. – Полюбовница наша.

– Наша?

– Николая твоего, значит, наша, – сказала Александра Ивановна и быстро пошла прочь, словно заглянула в глаза Елене и испугалась.

А Елена поняла: Тамара – это не любовница, а жена Колиного коллеги, к которому он уехал работать. Они когда-то встречались, даже ходили вместе в поход на байдарках. Тамара...

Лена быстро пошла дальше. Надо вести себя так, чтобы никто не подумал. Хотя все подумают. Все.

К счастью, Клава была дома, лелеяла свои ногти. Смотрела в них, как в зеркало, хотя с ее данными – что смотри, что нет, лучше не станет. Но чем-то она пленяла крепких глупых мужиков. Клава открыла дверь, не выпуская из руки пилки, и сразу поспешила обратно в гостиную, густо уставленную полированными предметами. Она не предложила Лене сесть, а сказала:

– Показывай кольцо.

– А ты как догадалась? – спросила Лена.

– Еще бы не догадаться. Без крайней нужды разве бы ты опустилась до моего ничтожества?

– Зачем ты так?..

– Плох Борис? Знаю, что плох. Все знают, только ты зря от близких людей скрываешь. Тебе за излишнюю гордость, Ленка, наказание от бога.

– Клава...

– Я теперь стала крайне религиозна. В этом есть душевное спасение. Я всегда за моего молось – он на разборке, а я молось. Помогает. Хочешь, за твоего помолось?

– Спасибо. – Было неловко отказаться.

– Показывай кольцо. То же самое?

– У меня другого и не было.

– Знаешь, Ленка, времена изменились, как сама жизнь. Вот когда мы с тобой девчонками были, это кольцо для меня было мечтой, я думала – надену и стану такая красивая, что все отпадут. А теперь мой Гоша может из Парижа выписать, от Кардена, и будет дешевле, чем в нашем Замухранске.

– Ну тогда покупай в Париже.

– Вот вся ты! Только бы нагадить в душу.

Клава взяла кольцо и пошла в другую комнату. Она изменилась за какие-то несколько месяцев – исчезли все кости и углы, помоечная кошка, черная, кареглазая, дикая, зубастая, округлилась и уже не помоечная, а домашняя, научилась мурлыкать.

– Я в лупу смотрю, – сообщила Клава из той комнаты. – Кольца, Ленка, надо мыть. На будущее знай. Сколько ты за него хочешь?

– Я не знаю.

Лена и в самом деле забыла подумать об этом, оценить, у кого-то спросить.

– Вот и дура, – спокойно отозвалась Клава. – Теперь я тебя обдурю. Будь спокойна. Сто «зеленых» тебя устроит?

– Нет, – сказала Лена, мысленно переводя доллары в рубли. – Нет, наверное, золото там дороже стоит, а еще и камень... – Она словно просила прощения у Клавы.

– Кто в двадцать дурак, тот до смерти дурак, – сказала Клава.

Она возвратилась в гостиную и кинула кольцо на стол. Камень полыхнул голубыми искрами.

– Ты хоть знаешь, что за камешек? – спросила Клава.

– Мама говорила, что аквамарин, – ответила Лена. – Мне бы долларов двести, а потом я достану...

И вдруг Клава разревелась. Ни с того ни с сего. Стояла, издевалась над Леной, а потом как пузырь лопнула. Упала на диван, спрятала лицо в кулаки, черные волосы вздрагивали, как змеи Горгоны Медузы, ключица, натянув кожу, торчала наружу. Клава захлебывалась слезами, Лена испугалась и стала уговаривать ее:

– Не надо, пожалуйста, Клабочка. Не бери ты этот камень.

Она кинулась на кухню, еле нашла чистую чашку, а когда вернулась в комнату, Клава сидела на диване, по щекам тянулись вертикальные черные полосы потекшей туши. Она протянула руку и взяла чашку. Она стала пить и закашлялась. Жадно пила.

Лена непроизвольно посмотрела на стол – испугалась, а вдруг это хитрость? В школе у Клавы была цыганская привычка – цап что-нибудь, потом убей, не сознается. Но кольцо лежало на столе.

– Значит, так. – Клава отдышалась. – Слушай сюда, мое сокровище. Про Борьку весь город знает, не надо объяснять, вот и почтальонша у меня только что побывала. А ты, дура, у меня двести баксов просишь. Ну какая же дура!

Клава громко всхлинула, проглотила слезы, шагнула к стоявшему в углу письменному столу с компьютером, покрытым кружевной салфеткой, вытащила из-за него черный бумажник. Не глядя, вытащила оттуда пачку долларов – все, что там было, и не стала передавать доллары Лене, опасаясь, что та откажется, а грубо заткнула их ей за лифчик, чуть не оборвав пуговку на блузе.

– Здесь тысячи две-три баксов, – сказала она. – Дома посчитаешь. Это аванс. Завтра мой свозит кольцо в Москву, к специалисту. Разницу заплатим тебе потом. Поняла?

– Клава, ну что... мне столько и не нужно.

– Уходи, Ленка, пока я тебя не придушила! – закричала Клава. – Видеть тебя не могу!

Она ее буквально вытолкала на улицу. И крикнула вслед:

– Лети самолетом. Или такси возьми! Не жалея денег, понимаешь? И своему Борьке ничего не оставляй. Я его покормлю, если надо. Главное, не жалея денег, это все дерьмо.

И Елена отнеслась к этому дару как к проявлению природных сил. И нельзя было бы сказать, что она глубоко растрогана поступком Клавы. Просто дождь перестал и выглянуло солнце – но оно же снова закатится. Сначала она зашла в магазин и купила продуктов – всяких диетических дорогих вещей, чтобы порадовать Борю. Затем с сумками она пришла к своей свекрови, которая сидела у приемника и слушала «Свободу». Это делало ее интеллигентнее.

– Вам придется переехать к нам, – сказала Лена. – На два-три дня.

– Ты с ума сошла! – возмутилась Евдокия Давидовна. – Еще этого не хватало.

– Борису надо давать только диетическую пищу. У него гепатит.

– Это же заразно! Почему он не в больнице?

– Потому что в больнице он умрет.

Евдокия Давидовна принялась отмахиваться от Лены толстыми белыми руками. Она всегда отмахивалась от нее.

– И не мечтай думать о заграничных поездках! – кричала она.

– Что-то случилось с Колей, – сказала Лена. – Я скоро вернусь.

– Ничего с ним не случилось. Неужели ты думаешь, что мое материнское сердце не подсказало бы мне?

Ей не хотелось брать внука или тем более ехать к нему. Ей никогда этого не хотелось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.